

СОВРЕМЕННОЕ АНГЛИКАНСКОЕ БОГОСЛОВІЕ.

Современное развитіе богословской мысли въ Англиканской Церкви полно противорѣчій и контрастовъ, болѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ, чѣмъ это было бы возможно въ предѣлахъ Православной Церкви. Однако есть нѣкоторыя особенно значительныя, центральныя и рѣшающія тенденціи въ современномъ англиканскомъ богословіи. Вкратцѣ ихъ можно опредѣлить слѣдующими словами: считаясь съ данными новѣйшей библейской критики, но относясь къ нимъ съ самостоятельной осторожностью и сдержанностью, поставить въ центрѣ богословствованія то, что всегда было центромъ богословствованія древней Церкви и Отцовъ — не психологическія категоріи человѣка, не изложеніе только ученія Іисуса (какъ это дѣлала либеральная протестантская критика), а фактъ воплощенія Сына Божія — «Слово плоть бысть», и вытекающее отсюда ученіе объ освященіи всей человѣческой природы — и тѣла также — и твари, и исторіи, и всей дѣятельности человѣка, въ частности и соціальной, чрезъ это вочеловѣченіе Слова — закваску Вѣчной Жизни, вошедшей въ міръ. Это сближаетъ многія стороны положительно-церковнаго англиканскаго богословствованія съ православнымъ, такъ напр. выводъ «сакраментальной» точки зрѣнія (освященіе твари, и тѣлесности тоже, силою дѣйствующаго Духа Божія) изъ того же факта воплощенія Слова, побѣды Его надъ смертью. Особенно характерны для ряда англиканскихъ религіозныхъ мыслителей и богослововъ эти мосты, перебрасываемые отъ проповѣди Воплощеннаго Слова къ свидѣтельству о Немъ, дѣлами любви, служеніемъ ближнему. Здѣсь одной изъ руководящихъ личностей является 80-лѣтній*) епископъ Gore вся богословская и религіозно-церковная дѣятельность котораго можетъ разсматриваться какъ комментарий къ 1 посланію Іоанна (въ духъ котораго онъ глубоко проникъ и на которое онъ написалъ между прочимъ

---

*) Только что скончавшійся.

толкованіе): «Въ томъ любовь, что Онъ отдалъ за насъ душу Свою. И мы должны отдавать душу за братьевъ».

Цѣлый рядъ представителей англиканской богословской мысли продолжаютъ патристическую традицію: стараются все снова и снова созерцать съ молитвеннымъ благоговѣніемъ — оставаясь вѣрны богатству апостольскаго и древне-отеческаго преданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь изложить его на языкѣ современной мысли — тайну взаимоотношенія Бога и твари, тайну вочеловѣченія и искупленія. Вочеловѣченіе уясняется въ общемъ контекстѣ отношенія Бога къ міру. Уже твореніе міра есть самоограниченіе Божіе, есть актъ смиренія Божія — ибо Богъ творитъ рядомъ съ Собою нѣкую иную, относительную реальность, допускаетъ существованіе рядомъ съ Собою созданной Имъ — свободно самоопредѣляющейся твари. Вочеловѣченіе поэтому тѣсно связано съ твореніемъ: оно есть новый еще большій, еще болѣе разительный актъ не только снисхожденія, но и смиренія, добровольнаго самоограниченія Божія. Тайна воплощенія все снова и снова приковываетъ вѣрующую англиканскую мысль. Что поражаетъ и привлекаетъ насъ здѣсь, — это — живость и сила догматическаго интереса. Это не отказъ отъ догматической мысли, который такъ часто наблюдаемъ въ протестантизмѣ, потерявшемъ нерѣдко сознаніе важности и цѣнности самыхъ основныхъ христіанскихъ истинъ, а поэтому и интересъ къ нимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это не схоластическая каталогизація наслѣдія отцовъ, безъ собственнаго религіознаго осмысленія, безъ вѣянія духа жизни, довольно типичная наприм. для нѣкоторыхъ современныхъ греческихъ (аѳинскихъ и константинопольскихъ) богослововъ. Нѣтъ, это — живое, самостоятельное движеніе богословской мысли, питаемое традиціей, движеніе по линіи религіознаго мышленія отцовъ — особенно Иринея, Аванасія и Кирилла Александрійскаго — и вѣрное вселенской православной традиціи, но старающееся подойти къ предмету богословскаго познанія изъ жизни, изъ потребностей жизни, изъ духовныхъ запросовъ, исканій, предпосылокъ живого, чувствующаго человѣка, изъ его молитвеннаго христіанскаго опыта, изъ живого и понынѣ живого, нестарѣющаго — опыта Церкви, стоящей въ мірѣ и связанной съ міромъ, но не растворяющейся въ мірѣ. Это сближаетъ положительно религіозную англиканскую мысль съ живымъ процессомъ религіознаго мышленія у древнихъ отцовъ, у которыхъ мысль вытекла изъ живого религіознаго опыта, и у лучшихъ русскихъ богослововъ — Митрополита Филарета, И. Кирѣевскаго, А. С. Хомякова, Свѣтлова Несмѣлова, митр. Антонія, а не съ сухими каталогизаторами полученнаго наслѣдія. Это даетъ представителямъ этого теченія въ англиканской богословской мысли печать свѣжести и религіоз-

ной подлинности—соединенія «современности» (въ томъ смыслѣ, что религіозный опытъ Церкви переживается и сегодня, и современными людьми, какъ и древле) и живости съ неизмѣнностью самого религіознаго содержанія, превосходящаго всякую человѣческую субъективность.

Зато представители другого — эволюціонистически-модернистическаго теченія англиканскаго богословія легко поддаются искушенію сдѣлать свою модернистическую психологію, переживанія «современнаго человѣка» и быстро увядающія «достиженія современной мысли» съ ея поверхностно-туманнымъ эволюціонизмомъ, масштабомъ и критеріемъ для вѣчной Истины Бога. Насколько Православной мысли дорого и интересно первое теченіе — именно также въ его честныхъ бореніяхъ съ проблемами современности и современнаго познанія, настолько непріемлемъ для нея субъективистическій духъ послѣдняго, гдѣ изъ христіанскаго благовѣстія выкинуто его ядро, т. е. все его содержаніе — парадоксъ о добровольномъ самоуничиженіи Бога, соблазнъ проповѣди воплощенія и побѣды надъ смертію. Но религіозно рѣшающій голосъ въ Англиканской Церкви принадлежитъ, какъ я указывалъ, не этому крайнему модернизму, а положительно-церковному теченію, вырастающему изъ традицій Апостоловъ и Отцовъ.

Показательнымъ явленіемъ (однимъ изъ центральныхъ явленій) въ области этой положительно-христіанской мысли Англиканства за послѣдніе годы слѣдуетъ безъ сомнѣнія считать два весьма замѣчательныхъ и серьезныхъ по тону (не въ примѣръ многимъ другимъ, иногда слишкомъ популяризирующимъ и поверхностно скользящимъ проявленіямъ англиканской богословской мысли) сборника богословскихъ статей, религіозно-историческаго и религіозно-философскаго содержанія: «Essays catholic and critical», вышедшій въ 1926 году (послѣднее изданіе — 1931 года *) и сборникъ «Essays on the Trinity and the Incarnation» 1928 г. **). Въ этихъ сборникахъ приняли участіе самые видные представители богословской мысли и богословской науки Англиканской Церкви. Содержаніе ихъ затрагиваетъ всѣ основные вопросы религіозной жизни и христіанскаго міросозерцанія, а также рядъ важнѣйшихъ темъ исторіи христіанства. Поражаетъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ глубина и многостороннее богатство трактовки предмета ***). Но мы остановимся специаль-

*) «Essays catholic and critical» members of the Anglican, communion, edited by E. G. Selwyn, 456 стр. E. P. C. K. 1-е изд. 1926 г. 2-е изд. 1926 г. 3-е изд. 1929 г., повторное 3-е изд. 1931 г.

**) Essays on the Trinity and the Incarnation, edited by A. E. J. Rawlinson, Longmans, 415 стр.

***) Особенно хороши и значительны обширныя статьи А. D. Nock'a: «Early gentile Christianity» («Essays on the Trinity

но на тѣхъ, что касаются самыхъ основъ христіанскаго религіознаго міросозерцанія. Въ сборникѣ «Essays on the Trinity and the Incarnation» особенно привлекаютъ проникновенностью и силой религіозной мысли два очерка: «God and time» (by Rev. F. N. Brabant) и «The Incarnation» (by Rev. L. Hodgson). Оба касаются той же основной темы: отношенія Бога къ творенію Своему.

«Человѣчество cadaго изъ насъ обладаетъ только уцербленной реальностью, полнота истиннаго человѣчества принадлежитъ лишь воскресшему и вознесшемуся Господу, чрезъ соединеніе съ Которымъ мы и приходимъ въ полноту нашего совершенства, въ мѣру полную истиннаго человѣчества... Ибо каждый изъ насъ является въ лучшемъ случаѣ лишь несовершеннымъ приближеніемъ къ тому, чѣмъ является Совершенный Человѣкъ» *).

Мы по нашему несовершенному человѣчеству не можемъ судить о томъ, чѣмъ было совершенное человѣчество воплощеннаго Слова; «наоборотъ, мы должны измѣрять наше приближеніе къ идеалу совершеннаго Человѣчества черезъ сравненіе съ Нимъ» (т. е. съ Христомъ) **). Болѣе того, воплощеніе Слова не только есть центръ въ исторіи человѣческой расы, но въ исторіи міра. Есть основной ключъ къ уразумѣнію смысла творенія, оно имѣетъ поэтому *космическое* значеніе.

«Если мы дѣйствительно пытаемся понять міръ, въ которомъ мы живемъ, то мы не можемъ не считаться съ проблемой единенія «двухъ элементовъ» — Вѣчнаго съ Временнымъ, въ самомъ общемъ смыслѣ слова. Мы указывали далѣе, что Христологическая пробле-

---

and the Incarnation». стр. 51-156) и К. Е. Kirk'a: «The evolution of the doctrine of the Trinity» (тамъ же, стр. 157-237). Первая статья есть лучшее, что я читалъ на тему взаимоотношенія ранняго христіанства и язычества, она чрезвычайно богата данными и не является перепиской того, что сказано уже другими, какъ большинство такихъ статей, а сснована на самостоятельномъ изученіи и поразительномъ, вдумчивомъ знаніи предмета. Вторая статья блестяща и полна тонкаго и глубокаго проникновеннаго и весьма убѣдительнаго анализа данныхъ религіозной мысли и религіознаго опыта апостольской проповѣди и проповѣди древней Церкви.

*) «It is clear that the manhood of each one of us is imperfectly real, and that the only real manhood is that of the risen and ascended Lord, by union with whom, we come to our, perfection and so, to our own manhood (идеи близкія къ идеямъ Кирилла Александрійскаго) ....For each one of us is at best but an imperfect approximation to what a perfect man would be.

**) «Rather we must attempt to measure our approximation to the standard of true manhood by reference to Him» (373).

ма является заострениемъ проблемы творения: ибо ставится вопросъ, возможно ли, чтобы это единение совершилось въ одной человѣческой жизни въ исторіи. Христіанская вѣра утверждаетъ, что это дѣйствительно произошло — въ воплощеніи Христовомъ и что «космическое значеніе» этого исключительнаго событія какъ центра всего историческаго развитія, является неотъемлемой частью этой вѣры. *)

Сила и подъемъ религіознаго созерцанія въ этомъ очеркѣ достигаютъ силы и подъема чисто патристическаго характера. Смыслъ и призваніе человѣка — вращать все больше и больше въ это обожженное человѣчество Слова, чтобы стать членомъ прославленнаго Тѣла Его и какъ членъ «Тѣла Славы Его, стать причастникомъ вѣчной жизни».

«Our hope is that the individual self — consciousness of each of us shall come to perfection by finding itself in Christ, by becoming the self — consciousness not of a perishable physical body, but of a member of the risen spiritual body of our Lord». (383).

«Каждый человѣкъ пойметъ, можетъ быть, когда-нибудь, въ глубинахъ существа свою собственную ущербленность, и также то, что совершенство и смыслъ его собственнаго бытія укоренены въ воплощеніи Иисуса Христа» (401-402) **)

Духъ первохристіанскаго подъема, духъ іоанновскаго и павловскаго созерцанія Вѣчной Жизни, духъ торжествующей проповѣди Афанасія, Василія и Григорія, то, чѣмъ живетъ и дышитъ Православная Церковь, основа и суть нашей вѣры, глубина и размахъ православнаго міросозерцанія и объясненія міра, живутъ и дышатъ въ этихъ проникновенныхъ словахъ. Въ этихъ глубинахъ религіознаго міросозерцанія объединеніе Церквей уже совершилось, или — скажемъ сдержаннѣе и точнѣе

---

*) «If we attempt to understand this world we live in, we cannot refuse to face the problem of the unity of «two natures» eternal and temporal, in a whole. We have suggested that the Christological problem is, as it were a concentration of that problem of creation, and the question raised is the conceivability of that union having taken place in one life in history. We have seen that the Christian faith implies that this has, as a matter of fact, happened in the Incarnation of Jesus Christ, and that the «c o s m i c s i g n i f i c a n c e» of that unique event as the central moment of history is an integral element in that faith» (400).

***) «In the depths of his being each man may learn to know his incompleteness and to find that the perfection and explanation of his own being is grounded in the Incarnation of Jesus Christ».

— уже дано въ зернѣ, въ сѣмени (ибо не вся Англиканская Церковь стала на эту точку зрѣнія, и она не проведена еще со всей послѣдовательностью въ жизни англиканства). Это сѣмя должно побѣдно пробиться наружу, преодолевая сопротивленіе окружающихъ второстепенныхъ факторовъ — историческихъ вліяній, исторической среды. Эти второстепенные факторы церковной жизни должны быть растоплены и расплавлены въ горячій живой потокъ въ огнѣ апостольскаго и святоотеческаго созерцанія воплощеннаго Слова.

По той же линіи трепетно-благоговѣйнаго созерцанія Воплощенія Слова, развивается религіозная мысль L. Thornton'a въ его выдающейся (нѣсколько трудно написанной) обширной книгѣ: «The Incarnate Lord» (1928) и въ его статьѣ «The Christian Conception of God» (въ «Essays catholic and critical» *).

Остановимся на главныхъ мысляхъ его книги.

Thornton глубоко убѣжденъ, что тайна воплощенія одна только и можетъ раскрыть истинный характеръ отношенія Бога къ твари («The Incarnation provided the revealing principle of theism by disclosing the true nature of the bond between God and His creature» (стр. 6). Онъ ставитъ себѣ задачей указать на космическій аспектъ Воплощенія Сына Божія («to set forth the cosmic aspect of the Incarnation» (стр. 31) какъ принесшаго избавленіе всей твари. Ибо человѣкъ является представителемъ всѣхъ низшихъ ступеней творенія, воспринимаетъ ихъ въ себя черезъ «превращеніе», трансформацию — низшая ступень воспринятая въ высшій комплексъ, становится участницей болѣе богатой жизни («ascending transformation» (стр. 38-39) «Thus the series is gathered up into man» — такимъ образомъ вся космическая серія, лѣствица объединена и возглавлена человѣкомъ (43). Къ этому приводитъ насъ совершенное ученіе о мірѣ, какъ о лѣствицѣ бытія, все болѣе усложняющагося и все выше восходящаго вплоть до области духа въ человѣкѣ. Область духа есть та область, гдѣ тварное бытіе становится въ сознаніи своемъ лицомъ къ лицу съ вѣчнымъ творческимъ началомъ вещей (the eternal order) и воспринимаетъ его въ себя и подчиняется ему. Чѣмъ больше человѣкъ проникается этимъ вѣчнымъ творческимъ началомъ и подчиняется ему, тѣмъ больше растетъ его индивидуальность, тѣмъ значительнѣе становится онъ, тѣмъ кон-

---

*) «He is not only the substance of all revelation given to man and its ultimate meaning. He is also the ground of the whole created order through which revelation comes»... «He sums the series of revelation because He transcends it entirely». (The Christian Conception of God» 136).

кретнѣе становится онъ *). Высшая мѣра духовности есть высшая мѣра конкретности и индивидуальности **). Въ этомъ чловѣкѣ есть образъ Божій. Ибо Богъ не абстрактенъ, но есть творческое богатство, актуальная, т. е. творческая Конкретность («Concrete Actuality in its absolute form») (86-87), открывающаяся въ безмѣрной любви.

Міръ въ своемъ органическомъ движеніи, въ своемъ органическомъ подъемѣ по лѣствицѣ тварей есть результатъ творческаго акта или творческихъ актовъ Божіихъ, созидающихъ эту послѣдовательность восхожденія. Но на чловѣкѣ — тамъ, гдѣ тварь прикоснулась къ области духа, это поступательное движеніе творенія обрывается. Тварное возвращается въ постепенномъ круговращеніи въ лоно смерти.

Сынъ Божій въ Своемъ воплощеніи не есть поэтому органическое завершеніе этой линіи восхожденія по лѣствицѣ твари — это есть совершенно новое: вхожденіе Бога въ міръ ***). Этимъ пропасть заполнена, смерть преодолѣна Жизнью. «Now if the Incarnation brings creation to its true end in God, this must mean that the cosmic series is gathered up into the human organism of Jesus Christ; so that in Him it attains its destiny through the «taking of the manhood into God»... As the series is taken up into the human organism, so in Christ the human organism is taken up on the «level» of deity. The idea of the «deification» of man in Christ was one of the great themes of patristic thought» (225). Воплощеніе Сына Божія есть воспріятіе творенія въ его божественное начало, есть «рекапитуляція» творенія на высшую плоскость — въ совершенномъ чловѣчествѣ Христа, въ Которомъ чловѣчество «обожилось». Такъ и Dr. Moberly въ своей уже 30 лѣтъ (1901) тому назадъ вышедшей книгѣ: «Atonement and Personality», которая является однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній англиканской религіозной мысли предшествующаго поколѣнія, пишетъ объ «inclusive Humanity» («всеобъемлющее чловѣчество») Христа: «Если бы чловѣчество Христа не было чловѣчествомъ Божества, оно не могло бы стоять въ томъ широкомъ, всеобъемлющемъ и совершающемъ отношеніи къ чловѣчеству всѣхъ прочихъ людей, въ которомъ оно въ дѣй-

---

*) «The measure of concreteness is the measure in which the eternal order is immanent in the space-time series» (69).

**) Such growing comprehension of the eternal order, being immanent in character, enhances the significance of the concrete character, in which it is immanent» (107).

***) He was not simply the highest response of man to God... In the absolute actuality of God was incorporated into the historical process» (164).

ствительности состоитъ *)). Это — основная мысль святоотеческаго созерцанія тайны Вочеловѣченія. Той же линіи сосредоточенія мысли на Воплощеніи Сына Божія слѣдуетъ и Dr. Temple (нынѣ архіепископъ Іоркскій, человѣкъ глубокой, истинно католической вѣры **) въ своей книгѣ «Christus Veritas» (1924 г).

Нѣсколько словъ еще о только что упомянутомъ основоположномъ богословскомъ трудѣ д-ра Moberly, посвященнаго мысли искупленія

Эта замѣчательная книга сосредоточиваетъ свое вниманіе на внутреннемъ органическомъ отождествленіи Искупителя съ искупаемымъ *силою любви*, подобно тому (но въ неизмѣримо большей мѣрѣ, ибо здѣсь лишь отдаленный намекъ, а не сравненіе), какъ праведная и любящая мать переживаетъ въ мукахъ любви паденіе сына и въ этомъ страданіи за него, въ этомъ внутреннемъ отождествленіи себя съ нимъ находитъ доступъ къ душѣ сына. Аналогія слабая и неполная, но дающая нѣкоторый намекъ на отождествленіе себя Божественнымъ и безгрѣшнымъ Искупителемъ силою безмѣрной любви съ падшимъ чело­вѣчествомъ ***). Это напоминаетъ намъ нѣкоторыя мысли, развитыя Митр. Антоніемъ въ своей книжкѣ «Объ искупленіи».

Господь, пишетъ далѣе Moberly, принесъ на крестѣ не только полноту Своей воли, Своего послушанія — даже до смерти — въ жертву благопріятную Отцу, но и полноту внутренняго, жертвеннаго и органическаго самоосужденія грѣховнаго чело­вѣчества, съ которымъ Онъ вѣдь отождествилъ Себя не только любовью, но и найреальнѣйшимъ образомъ — по плоти и крови, будучи и оставаясь самъ безгрѣшнымъ, — полноту того жертвен-

---

*) If Christ's Humanity were not the Humanity of Deity it could not stand in wide, inclusive, consummating relations in which it stands in fact, to the humanity of all other men» (90).

**) Онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ «Комитета Продолженія» («Continuation Committee) Лозанской Конференціи.

***) ...We recognise... what the depth may be of a mother's identification with her child... we recognise also that if the love were but greater and more perfect still, the unity also could mean what now it can not. If its obvious limit is the limitation of love, what would the capacities be of union, with the living experience of another, of one whose love was absolutely without limit? If the sorrowing mother serves best to illustrate what human union may mean, in nature and in love, she illustrates it by what she is, rather as whetting the imagination than as saying it... We look at infinite things; in the light of most finite experience. Our human illustrations do approximate; they are strikingly real. Yet they are more striking still in the silent witness which they overbear to that beyond themselves, whose reality they postulate, of whose nature they are eloquent, by whose breath they are; but which transcends them still»... (126).

наго, покаяннаго и умиленнаго самоосужденія человѣчества, которое вѣдь есть внутренній и органическій путь воссоединенія грѣшника съ Богомъ, но на которое само человѣчество было неспособно. Ибо отождествивъ Себя съ человѣчествомъ, Онъ самъ органически внутренне, несмотря на всѣ муки и всю тяжесть этого рѣшенія, *хотѣлъ пострадать*: чтобы вырвать жало грѣха чрезъ это внутреннее безмѣрное самоосужденіе воспринятаго Имъ на Себя человѣчества, передъ лицомъ Милующаго и Любящаго Бога *).

Эта книга еще и тѣмъ значительна, что на ней въ высокой мѣрѣ религиозно воспитались многіе изъ нынѣ руководящаго старшаго поколѣнія современной Англиканской Церкви, какъ нынѣшнее религиозно настроенное молодое поколѣніе воспитывается на «*Essays Catholic and Critical*», на «*Essays on Trinity and Incarnation*» и — особенно — на глубоко проникновенныхъ, религиозно оплодотворяющихъ сочиненіяхъ и письмахъ великаго христіанскаго философа Англии Baron von Hügel (1852-1925).

Жертва Голгоеская заново переживается Церковью въ жертвѣ евхаристической. Жертвѣ Голгоеской и связанной съ ней неразрывнѣйшимъ образомъ жертвѣ евхаристической посвящена очень замѣчательная книга епископа Гибралтарскаго F. C. U. Hicks'a «*The fullness of Sacrifice*» (Исполненіе жертвы) 1930 г. Онъ показываетъ въ ней, что все содержаніе новозавѣтнаго благовѣстія можетъ быть сведено къ жертвенному отданію себя Спасителемъ міра***). Въ этомъ добровольномъ отданіи Имъ

---

*) «He, on the Cross, offered, as man to God not only the sacrifice of utter obedience... but also the Sacrifice of supreme penitence, that is, of perfect will-identity with God in condemnation of Sin. Himself being so self-identified with sinners, that He could take the form of the offering of Himself for sin. He voluntarily stood in the place of the utterly contrite — accepting insult, shame, anguish death — death possible only by His own assent, yet outwardly inflicted as penal; nay, more, in His own inner consciousness, accepting the ideal consciousness of the contrite — which is the one form of the penitent's righteousness: desolate, yet still, in whatever He was, voluntary, and in that very voluntariness of desolation, sovereign. He did, in fact and in full, that which would in the sinner constitute perfect atonement, but which has for ever become impossible to the sinner, just in proportion as it is true that he sinned» (129-130)... «He offered Himself to consummate that reality of penitence by which alone real consciousness of Sin (the universal property of humanity) could be righteously transformed and dissolved into... a real identity with the absolute righteousness of God» (132).

**) Von Hügel — католикъ, но оказалъ и оказываетъ огромное вліяніе на англиканскую религиозную мысль.

***) «The idea of such sacrifice, when they used it, covered the whole range of zwat they taught and felt» (247).

Себя и заключается искупительная сила — «the atoning aspect of the surrendered life» (243).

Жертва уже въ В. Завѣтѣ означаетъ не уничтоженіе; удареніе падаетъ не на фактъ физической смерти жертвеннаго животнаго, а на добровольную (добровольную, ибо жертвенное животное олицетворяетъ приносителя жертвы, отождествляется символически съ приносителемъ жертвы) отдачу жизни, т. е. удареніе падаетъ не на явленіе физическаго порядка, не на механическій актъ, а на его моральный смыслъ — на актъ символическаго самоотданія въ жертвѣ. Пусть это означеніе жертвы затемнѣно въ ветхозавѣтномъ сознаніи, но жертва Христова есть ея исполненіе, есть *совершенная, высшая, окончательная* жертва; она есть *вообще единая истинная* жертва, та жертва, на которую всѣ прочія были лишь намеками — жертва Агнца, «закланнаго отъ основанія міра».

Вся земная жизнь Христова, вся проповѣдь первыхъ учениковъ протекаетъ на фонѣ религіозной жизни еврейства, съ ея сакраментальной окраской, съ той огромной ролью, которую играетъ въ ней жертвенное начало. Однако то была жертва внѣшняя и совершенно недостаточная; полнота же совершенной жертвы дана только въ добровольномъ отданіи Себя Сыномъ Человѣческимъ «въ искупленіе за многихъ» (Марк. 10, 45).

Эти мысли добровольнаго отданія Себя съ особой силой высказаны Имъ напр., въ притчѣ о Пастырѣ Добромъ и въ установленіи Таинства Евхаристіи. Это послушаніе, самоотданіе обнимаетъ всю Его жизнь, оно относится не только къ смерти, оно начинается съ акта вочеловѣченія и высшаго выраженія своего достигаетъ на крестѣ. Это полнота отданія ведетъ къ полнотѣ преображенія принесенной Имъ Богу человѣческой природы.

«The dedication of human life in perfect obedience was accomplished in Himself as our first fruits. He offered our human nature which He had made His own. It was accepted; and the Gospels close as Acts begin, with the transformation which is God's way of accepting what we offer. The body of His humiliation becomes the body of His glory; the material is taken up into the spiritual... And with the coming if the Spirit the power from on High comes into the lives of ordinary men, and the transformation, effected for the Lord and described by Him in the Gospel story as waiting for His followers, is at last, in the New Testament Church, the daily experience of their own lives» (176).

Ибо въ этомъ — смыслъ жертвы вообще: не въ уничтоженіи ея, но въ ея отданіи (surrender), но не только въ этомъ, а еще и въ «ея пріятіи и преображеніи — Богомъ» («its acceptance and transformation, by God»). «Life, in the death of the sacrificial victim was not ended, but surrendered; and surrendered in order that it might be accepted, and, in acceptance, lifted from its earthly limitations into full association with God in heaven» (175).

И мы участвуемъ въ Его жертвѣ, въ Его безмѣрномъ послушаніи, въ Его отданіи Себя Отцу, умираемъ на Его крестѣ, чтобы участвовать въ Его обновленной, прославленной жизни, жить Его обновленной жизнью. Въ этомъ — смыслъ Его жертвы, въ этомъ — смыслъ искупленія *).

Въ Таинствѣ Евхаристіи Его жертва особенно жива посреди насъ, передъ нашимъ взоромъ, болѣе того, Евхаристія есть продолженіе этой жертвы, не въ смыслѣ повторенія единожды воспріятой Имъ смерти, а въ смыслѣ приобщенія нашего, все снова и снова, къ неоскудѣвающему потоку Его вѣчнаго, непрерывнаго жертвеннаго отданія Себя Отцу, и участіе наше чрезъ это въ Его преображенномъ и прославленномъ человѣчествѣ. Не мы низводимъ Его снова на землю въ Таинствѣ Евхаристіи для новаго повторенія Голгофы (какъ это стала мало-по-малу представлять себѣ Западная Средневѣковая Церковь), а мы сами возносимся горѣ, вся Церковь предстоить въ трепетномъ созерцаніи передъ вѣчнымъ небеснымъ жертвенникомъ Его, гдѣ единожды закланный Агнецъ, и живой, и прославленный, вѣчно приноситъ Себя Отцу за грѣхи міра (какъ это описано въ видѣніи 5-ой главы Апокалипсиса). Въ Таинствѣ Евхаристіи мы переносимся въ высшую плоскость бытія, въ присутствіе Его вѣчной жертвы, Его вѣчнаго отданія Себя Отцу, въ присутствіе не только Закланнаго, но Живого, Воскресшаго и Прославленнаго Господа (срв. «Се бо входитъ Царь Славы» въ нашей литургіи). Въ этомъ — истинный смыслъ Таинства Евхаристіи, древне-христіанской литургіи, и съ особенной яркостью и чистотой по мнѣнію еп. Nicks'a сохранился этотъ духъ древне-христіанской евхаристіи въ литургической жизни Православнаго Востока. «На Востокѣ... не только былъ сохраненъ въ ев-

---

*) «His Body — the human nature which He came to redeem and to dedicate in the doing of God's will — is offered in its perfect obedience, and transformed by the Spirit, in Resurrection, Ascension, and Session, into the body of His glory... And, in the end, He gives His new manhood to His own in the gifts of His Body and of His blood which in His and their eternal life.

That, and nothing less, is His Sacrifice, Not the Atonement only, however we may define, but the Incarnation also, in the fullness of its meaning, belong to it in all its stages».

харистіи характеръ этого небеснаго жертвоприношенія, но и сторона общенія, соборности въ евхаристической жертвѣ была удержана, ибо, несмотря на нечастое приобщеніе вѣрныхъ, священникъ никогда не былъ отдѣленъ отъ церковнаго народа, какъ на Западѣ. Изначальная форма евхаристическаго служенія подчеркиваетъ его соборный характеръ. Евхаристія есть актъ тѣла Церкви... «Опредѣленная тенденція Прав. Востока лежала въ сторону сохраненія полноты идеи жертвы въ Евхаристіи и поэтому земной актъ богослуженія разсматривался скорѣе какъ перенесеніе вѣрующихъ на небо... въ непосредственное присутствіе Господа, чѣмъ какъ низведеніе Господа на землю *)».

Въ заключительной главѣ авторъ суммируетъ основныя мысли своей замѣчательной книги. Искупленіе не въ физическомъ актѣ Смерти, а въ добровольномъ отданіи жизни, и эта жизнь — человѣчество Господа — *преображается* и садится одесную Бога Отца. «And, so dying, so surrendering His Life, He passes with the Blood, which is the surrendered Life, through the Veil which is His flesh, His own broken Body, into the Holy of Holies, the very Presence of God» **). Таинство Евхаристіи есть принесеніе нами, предложеніе нами Отцу сей единожды совершенной и неповторяемой, ибо вѣчной жертвы ***) , вѣчно приносимой Ему на небесномъ жертвенникѣ — самимъ Ангелемъ, Онъ же и вѣчный Первосвященникъ. Мы — участники Его жертвы, участники Его послушанія****) и, вмѣстѣ съ тѣмъ

---

*) Not only has the «heavenly» character of the worship been preserved, but the unity of the sacrifice, in its eucharistic form, has been maintained, because, in spite of infrequency of communion, the priest has never been separated, as in the West, from the people. The primitive form of the eucharistic service is that which brings out its corporate character. The Eucharist is the act of the whole body» (312)...

«The definite tendency of the East has been in the direction of preserving the full idea of the sacrifice, and consequently of the earthly act of worship being thought of rather as lifting up of the worshippers to heaven than as the bringing down of the Lord to earth» (314).

**) «Итакимъ образомъ умирая и добровольно отдавая Свою жизнь, Онъ проходитъ съ Кровью Своей — т. е. Своей добровольно отданной жизнью — черезъ завѣсу, которая есть Его собственная плоть, Его собственное преломленное Тѣло, во Святая Святыхъ, т. е. въ полноту присутствія Бога».

***) «It would be almost true to say that the Cross is eternally present and can never be represented. It is true to say... that it can never be repeted» (335).

****) «In Him and through Him alone mankind, so far as it is joined to Him, continues to offer its service of obedience to God» (337).

мы участники Его прославленнаго человѣчества» «There can, indeed, be no ultimate distinction between His glorified life and the life of redeemed humanity» (337). Мы становимся въ Таинствѣ Евхаристіи причастниками прославленныхъ Тѣла и Крови Его. И вмѣстѣ съ тѣмъ Таинство Евхаристіи имѣетъ космическое значеніе, ибо человѣкъ есть первосвященникъ всей твари. Это—единый великій потокъ нашего принесенія себя и всѣхъ и всего Богу чрезъ *Его, Христову* вѣчную и единую жертву, который нашелъ свое высшее выраженіе въ Таинствѣ Евхаристіи. «It is this great stream of offering that is expressed symbolised, summed up in the offering of the Eucharist» (338). Въ таинствѣ Евхаристіи «earth is lifted up to heaven» — «земля возносится къ небу», земное преобразуется въ Небесное (334).

Эта книга епископа Hicks'a глубоко напитана, глубоко дышетъ истиннымъ духомъ Православія, она, прямо можно сказать, *рождена изъ этого духа* — изъ духа апостольскаго и святоотеческаго созерцанія богатства и тайны и слова—богатства славы наслѣдія Его» открывшагося намъ въ воплощеніи Сына Божія.

Проблема Таинствъ и отношенія ихъ къ общему міросозерцанію и соборному мистическому опыту Церкви вообще сильно занимаетъ религіозную мысль католически настроенной части Англиканства, является наряду съ созерцаніемъ тайны Воплощенія и Искупленія, одной изъ центральныхъ темъ, вытекающей изъ его религіознаго опыта. Укажу, лишь, кромѣ уже разсмотрѣнной нами книги епископа Hicks'a еще на интересную книгу Canon Quick'a «The Christian Sacraments» (1927) (второе изданіе 1928-го года) и на статью O. Spens'a объ Евхаристіи («The Eucharist») въ «Essays Catholic and Critical».

Наряду съ этимъ глубоко католическимъ направлениемъ англиканской богословской мысли, которое является особенно характернымъ и значительнымъ, встрѣчаемъ и рядъ произведеній, въ которыхъ христіанское благовѣстіе лишается своей исключительности и силы, лишается иногда своего внутренняго ядра и всецѣло приспособляется къ «современно»-эволюціонистической точкѣ зрѣнія, связывается оковами немощныхъ и вешественныхъ началъ міра сего»—вплоть до отрицанія истиннаго воплощенія Слова и силы воскресенія Его. Таковы, напр., книга Rashdall'я объ искупленіи и рядъ другихъ*).

Черезъ сближеніе Англиканской Церкви и Православной стержень англиканской богословской мысли, продолжающей

---

*) Напр. отчасти работы Bethune-Baker'a и многихъ другихъ.

пути святоотеческаго преданія и раскрывающей его примѣнительно къ умственнымъ запросамъ нашего времени, былъ бы еще болѣе укрѣпленъ и была бы исключена тогда возможность отказа отъ самыхъ основъ христіанскаго благовѣстія на почвѣ англиканскаго богословія. Современная же православная мысль обогатилась бы многими цѣнными плодами братскаго богословія, выросшаго изъ тѣхъ же общихъ предпосылокъ апостольскаго и святоотеческаго вѣроученія.

Ник. Арсеньевъ.